

должен предусматривать применение процессуальных гарантий и эффективный контроль за их соблюдением.

Библиографический список

1. *Архипов В. В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.
2. *Бусурманов Ж. Д.* Евразийская концепция прав человека. Астана: Изд-во КазГЮУ, 2010.
3. *Степин В. С.* Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 14–31.
4. *Талапина Э. В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146. DOI: 10.35427/2073–4522–2019–14–3–talapina.
5. *Терещенко Л. К.* Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 142–161. DOI: 10.17323/2072–8166.2018.4.142.161.
6. *Brownsword R., Scotford E., Yeung K.* Law, Regulation, and Technology: The Field, Frame, and Focal Questions // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York: Oxford University Press, 2017. P. 3–40. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.1
7. *Sartor G.* Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / Ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York: Oxford University Press, 2017. P. 424–450. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79

ШАБЛИНСКИЙ Илья Георгиевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ (109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3; тел.: +7495–772–9590; email: ishablin@hse.ru)

БЛОКИРОВКА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматривается и обобщается судебная практика по делам, связанным с использованием новых информационных технологий. Объектом исследования являются в основном решения российских судов (общей юрисдикции и арбитражных) и Европейского Суда по правам человека. Дела, связанные с применением новых информационных технологий, вообще, можно уже выделить в отдельный блок, но в данной статье рассматривается судебная практика по такой категории дел как блокировка интернет-ресурсов. В статье констатируется, что в эпоху бурного развития новых информационных технологий государства в лице специальных служб и уполномоченных государственных органов предпринимают беспрецедентные усилия для того, чтобы и в рамках новых информационных отношений сохранить хотя бы частичный контроль за деятельностью новых акторов (блогеров, интернет-СМИ, интернет-платформ и т.д.). При этом они достаточно часто встречают полное понимание судов.

Среди норм, регулирующих новую сферу отношений, достаточно часто встречаются (а в Российской Федерации доминируют) нормы ограничительные и запретительные. Возникавшие конфликты национальными судами нередко разрешались не в пользу граждан. В этой связи основания для озабоченности у юристов, занимающихся защитой прав, связанных с новыми информационными технологиями, остаются.

Ключевые слова: информационные технологии, информационные права, блокировка интернет-ресурсов, контроль за электронной перепиской, гиперссылки.

Информационные технологии, получившие массовое распространение в первой четверти XXI века и определившие специфическую новизну данного периода, в сущности, должны были дать новые возможности для свободы мнений. И действительно, они обозначили новую эпоху в развитии информационных прав и свобод. Обычные граждане — непрофессионалы в сфере массовых коммуникаций — оказались наделены теми же техническими возможностями для выражения своих мыслей и размышлений, что и работники СМИ. Диапазон средств выражения мнений, в частности, аудиовизуальных средств серьезно расширился. Изменился и инструментарий, используемый для коммуникаций между гражданами: обмен посланиями с помощью электронной почты и мессенджеров стал преобладающей формой дистанционного общения.

Насколько можно судить, это озаботило ряд государственных структур, работающих, в частности в сфере безопасности и борьбы с экстремизмом¹³⁶. Новые коммуникационные возможности, открываемые компьютерными сетями, должны были учитывать и работодатели, которые пытались контролировать поведение своих офисных работников, исходя, в основном, из мотивов коммерческих.

Дела, связанные с применением новых информационных технологий, как отмечает А. К. Соболева¹³⁷, можно уже

¹³⁶ См.: Пастухов П. С. Правовые аспекты использования информационных технологий для обеспечения общественной безопасности и общественного порядка // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 3 (75). С. 6–12.; Василенко, В. И. Массмедиа в условиях глобализации. Информационно-коммуникационная безопасность. — М.: Проспект, 2015.

¹³⁷ Соболева А. К. Свобода выражения мнения в практике ЕСПЧ: старые подходы и новые тенденции в толковании статьи 10 Судом // Вестник

выделить в отдельный блок. Все чаще граждане разных стран оспаривают решения национальных судов и административных органов, стремящихся использовать особенности этих технологий так, что ряд прав граждан оказывается серьезно ограничен, урезан¹³⁸. При этом, по сути дела, эти технологии должны создавать и создают новые опции для облегчения коммуникации, для выражения различных мнений, для самовыражения человека. Они могут также облегчать коммуникации между государственными структурами (например, судами) и гражданами¹³⁹, между компаниями и их акционерами и т.д.¹⁴⁰.

И все же государства в лице их специализированных органов могут смотреть на данную ситуацию несколько иначе. Можно согласиться с А. Ефремовым, делающим вывод о том, что «в целом развитие правового регулирования в сфере новых информационных технологий, а также практика их применения в разных странах сопряжены с нарушениями фундаментальных прав человека»¹⁴¹.

В рамках настоящей статьи мы попытаемся исследовать ряд судебных решений, отражающих некоторые из указанных выше тенденций. Речь пойдет о том, какие правовые оценки давали суды действиям участников отношений, тесно связанных с использованием ряда специфических информационных технологий. Тут необходимо уточнение: содержание мнений и, собственно,

РУДН. Серия: Юридические науки, 2017, т. 21, № 2. С. 246–247.

¹³⁸ См.: Жарова А. К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. Монография — М.: Машиностроение, 2016; Дупан А. С., Жулин А. Б., Жарова А. К. Новая парадигма защиты и управления персональными данными в Российской Федерации и зарубежных странах. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.

¹³⁹ См.: Ловцов Д. А., Ниесов В. А. Актуальные проблемы создания и развития единого информационного пространства судебной системы России // Информационное право. 2013. № 5. С. 13–18.

¹⁴⁰ Вавулин, Д. А. Раскрытие информации акционерными обществами — М.: Юстицинформ, 2012.

¹⁴¹ Ефремов А. Новые информационные технологии в практике Европейского Суда по правам человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016, № 6 (30), с. 10

нарушение либо отсутствие нарушения свободы мнений должны оцениваться (и оцениваются) независимо от того, с помощью каких технологий эти мнения выражались. Нас же в данном случае интересует правовая оценка применения в рамках информационных отношений новых технических возможностей, опций.

Данная тема в последние годы оказалась в поле зрения судебных органов, в том числе Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ или Европейский Суд). Следует отметить, что Европейский Суд не так давно уже попытался обобщить свои решения по некоторым делам, связанным с применением новых информационных технологий, классифицируя области информационных отношений, в которых происходили конфликты. В январе 2016 года на сайте ЕСПЧ публиковался обзор «Новые технологии»¹⁴².

Решения, которые там рассматривались, были разбиты на 8 разделов: электронные базы данных — двадцать дел (2008–2016 гг.); 2) электронная почта — пять дел (2007–2015 гг.); 3) GPS (Global Positioning System) — два дела (2010–2015 гг.); 4) Интернет — 21 дело (2005–2016 гг.); 5) спутниковая антенна — одно дело (2008 г.); 6) телекоммуникации — три дела (2015–2016 гг.); 7) использование скрытых камер — два дела (2015 г.); 8) видеонаблюдение — шесть дел (2003–2014 гг.).

Мы же ограничимся лишь одной категорией дел, которая, по нашему мнению, имеет наиболее важное значение для российской судебной практики. Эти дела были предметом рассмотрения последовательно российских судов и ЕСПЧ, и они, безусловно, касаются некоторых определенных опций, порожденных новыми информационными отношениями.

Итак, в рамках настоящей статьи мы хотели бы рассмотреть правовые аспекты такого вида радикально-

¹⁴² См.: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_New_technologies_ENG.pdf.

го ограничения деятельности интернет-ресурсов как *блокировка сайтов* либо их отдельных страниц. Совсем недавно Европейским судом по правам человека было вынесено сразу несколько решений по делам, связанным с жалобами российских заявителей на блокировку интернет-ресурсов¹⁴³. Данные решения представляют, по нашему мнению, существенный интерес.

Правовое значение тут имеют несколько аспектов, связанных с действиями государственных органов, направленными на ограничение доступа к определенным материалам в сети. Во-первых, необходима правовая оценка того, идет ли речь о сайте в целом либо об отдельных его страницах или фрагментах. Статья 2 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) позволяет дифференцировать сайт в целом и его сегменты. Важно выяснить, подвергается ли блокировке сайт полностью, либо отдельная его страница. Во-вторых, необходима правовая оценка действий власти после того, как отмеченные нарушения были устранены: были удалены либо исправлены определенные тексты или изображения. Почему в подобных случаях блокировка не снимается?

Упомянутые выше дела, связанные с блокировкой интернет-ресурсов и рассмотренные Европейским судом в один день, привели к схожим результатам: в каждом из четырех случаев суд признал, что Россия нарушила ст. 10 (право на свободу выражения мнения) и в совокупности с ней ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты).

¹⁴³ European Court of Human Rights (далее — ECtHR). [Flavus and others v. Russia. Applications nos. 12468/15 and 2 others — see appended list. Judgment of 23 June 2020](#); [Bulgakov v. Russia. Application no. 20159/15. Judgment of 23 June 2020](#); [Engels v. Russia. Application no. 61919/16. Judgment of 23 June 2020](#); [Vladimir Kharitonov v. Russia \(Application no. 10795/14\). Judgment of 23 June 2020](#).

Начнем с рассмотрения дела «Булгаков против России». Жалоба в ЕСПЧ была направлена Евгением Булгаковым, владельцем и администратором сайта «Мировоззрение Русской цивилизации» (razumei.ru)¹⁴⁴. Данный сайт был заблокирован интернет-провайдером, исполнявшим решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12 апреля 2012 г., согласно которому на сайте была размещена ссылка на работу, ранее признанную экстремистским материалом — книгу В. Емельянова «Десионизация». Решение районного суда было основано на части 6 статьи 10 Закона об информации.

Заявитель, узнав о блокировке в 2013 году (судя по всему, он сам долго не обращался к своему сайту), запрещенную книгу немедленно удалил. После этого он потребовал от провайдера восстановить доступ к сайту, однако получил отказ. Дело было в том, что районный суд определил и способ применения блокировки, предписав блокировку запрещенного контента путем запрета доступа ко всему сайту. Нужно признать, что подобный способ блокировки, не позволяющий пользователям подключиться к сайту, размещенному по определенному адресу цифровой сети (IP-адресу), широко применяется в российской практике взаимодействия интернет-сообщества и контролирурующих органов.

Булгаков выиграл дело в Савеловском суде г. Москвы, вынесшим решение об отмене блокировки сайта с учетом удаления запрещенного материала. Но это решение было отменено Московским городским судом, который указал, что первоначальное решение ростовского суда касалось блокировки IP-адреса, а не конкретной страницы. Доводы заявителя о том, что речь шла о конкретной, единичной работе, ссылка на которую была на одной странице сайта, не были приняты во внимание.

¹⁴⁴ ECtHR. [Bulgakov v. Russia. Application no. 20159/15. Judgment of 23 June 2020.](#)

Одновременно Булгаков подал апелляционную жалобу на решение ростовского суда: в ней он указал, что решение о блокировке принималось без его участия в процессе, и что, по сути дела, провайдер и суд обсуждали его действия без него. Но жалоба была отклонена областным судом, указавшим на то, что ответчиком по иску был не Булгаков, а провайдер. Суд также сообщил, что не располагает доказательствами того, что книга с сайта удалена.

После этого заявитель обратился в Европейский Суд. Его жалоба была рассмотрена в 2020 году.

Нужно отметить, что само по себе решение о блокировании материала, признанного экстремистским, ЕСПЧ признал основанным на законе¹⁴⁵. Однако он поставил под вопрос способ блокировки запрещенного контента. ЕСПЧ учел предположение заявителя о том, что ростовскому суду, возможно, не хватило технических знаний для того, чтобы понять, что не следует блокировать IP-адрес в то время, когда можно было ограничиться блокировкой страницы сайта. Это предположение ЕСПЧ счел, исходя из практики, вполне соответствующим действительности¹⁴⁶. Европейский Суд сослался также на ст. 10 российского Закона об информации, согласно которой блокировке могут подвергаться только материалы, за распространение которых следует административная или уголовная ответственность, но не сайты в целом.

Рассматривая процедуру принятия решения о блокировке, ЕСПЧ указал на неправомерность непривлечения к процессу заявителя — владельца и администратора сайта. Европейский Суд отметил, что привлечение в качестве ответчика провайдера (а не владельца сайта) лишило процесс состязательности, так как провайдер осуществляет лишь техническую функцию по обеспечению доступа к миллионам сайтов, не осведомлен подробно

¹⁴⁵ См.: Ibid. § 32

¹⁴⁶ См.: Ibid. § 33

об их содержании и не имеет правовых ресурсов, чтобы защищать каждый конкретный сайт¹⁴⁷.

Европейский суд указал на то, что блокирование интернет-ресурса является крайней мерой, которую можно сравнить с запретом печатного издания или телеканала. Такая мера не может быть оправдана с учетом того, что запрещенным оказывался доступ ко всем материалам интернет-ресурса, а не только к тому, который был признан незаконным.

ЕСПЧ также обратил внимание на то, что факт удаления запрещенного контента был установлен Савеловским судом Москвы. Однако и после этого доступ к сайту не был восстановлен¹⁴⁸.

В итоге Европейский Суд пришел к выводу, что вмешательство, связанное с применением процедуры, предусмотренной частью 6 статьи 10 Закона об информации, имело чрезмерные и произвольные последствия и что законодательство Российской Федерации не предоставило заявителю такую степень защиты от злоупотреблений, на которую у него было право в силу верховенства права в демократическом обществе. Следовательно, допущенное вмешательство не было «предусмотрено законом».

Другое дело «Энгельс против России»¹⁴⁹ во многих отношениях было аналогично делу, рассмотренному выше, но его особенностью было то, что контент, признанный запрещенным, не соответствовал никаким критериям экстремистских и иных запрещаемых материалов, и в реальности, представлял сведения технического характера. Грегори (Григорий) Энгельс, владелец домена rublacklist.net обратился с жалобой в суд в связи с блокировкой страницы, содержащей технические рекомендации по обходу блокировок, размещенной на сайте «Роскомсвобода». В 2015 г. решение

¹⁴⁷ См.: Ibid. § 36

¹⁴⁸ См.: Ibid. § 38

¹⁴⁹ ECtHR. [Engels v. Russia. Application no. 61919/16. Judgment of 23 June 2020](#)

о блокировке данной страницы принял городской суд г. Анапа, удовлетворив иск прокуратуры. Последняя аргументировала свои требования тем, что благодаря указанным рекомендациям пользователи могут получить доступ к сайтам экстремистской направленности. Процесс проходил без участия владельцев сайта «Роскомсвобода», которых прокуратура не сочла нужным уведомить.

«Роскомсвобода» удалила спорную страницу и обратилась с жалобой в Краснодарский краевой суд, указывая на то, что не участвовала в процессе, связанном с блокировкой. Краевой суд жалобу отклонил.

Рассматривая жалобу Энгельса, ЕСПЧ уделил особое внимание анализу п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации, согласно которому основанием для блокировки может стать «решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено». ЕСПЧ указал на то, что данная формулировка, являясь предельно широкой, открывает простор для любого произвольного ограничения: пользователь никак не может предвидеть ее действия и, таким образом, корректировать свои действия¹⁵⁰.

Отметим, что в подпункте 1 пункта 5 указанной статьи закона содержится перечень оснований для включения в реестр сайтов, содержащих информацию, распространение которой запрещено. Но ни на одно из этих оснований (например, наличие информации о способах изготовления наркотических веществ, способах совершения самоубийств, детскую порнографию и т.д.) Анапский суд не сослался.

Европейский суд пришел к выводу, что публикация технических рекомендаций, связанных с обходом блокировок, не может быть приравнена или сведена к сред-

¹⁵⁰ См.: Ibid. § 27

ствам доступа к экстремистским материалам. Такая информация может также служить в качестве инструментов связи между удаленными серверами, средством ускорения передачи данных и т.д.¹⁵¹. (Отметим все же при этом, что подобную информацию также нередко рассматривают в контексте так называемого цифрового пиратства¹⁵²).

ЕСПЧ, сославшись на документы комиссии ООН по правам человека, отметил, что информационные технологии, вообще, нейтральны с политической точки зрения. Как типографский станок, так и интернет может быть использован для самых разных целей. Но Анапский суд этого не учел. Запрет информации о технологиях доступа к другой онлайн-информации на том основании, что они могут в отдельных случаях упростить доступ к экстремистским материалам — примерно то же самое, что запрет принтеров и копировальных машин, которые также можно использовать для печатания таких материалов. В связи с этим, поскольку блокировка была проведена в отсутствие в России специальной законодательной базы, регулирующей эту проблему, ЕСПЧ расценил ее как произвольную.

Кроме того, Европейский суд, как в деле Булгакова, отметил, что российское законодательство не предоставляло владельцам сайтов достаточных процедурных гарантий защиты от произвольного вмешательства в их право на свободу выражения мнения, не была обеспечена состязательность процесса.

Европейский суд, таким образом, решил, что и в данном случае вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не было основано на законе.

Еще одно дело, «Харитонов против России»¹⁵³ отлича-

¹⁵¹ См.: Ibid. § 29

¹⁵² См.: Тодд, Даррен Цифровое пиратство. Как пиратство меняет бизнес, общество и культуру: моногр. — М.: Высшая школа, 2012.

¹⁵³ ECtHR, [Vladimir Kharitonov v. Russia \(Application no. 10795/14\). Judgment](#)

лось от первых двух тем, что, собственно, к содержанию сайта Владимира Харитонова, исполнительного директора Ассоциации интернет-изданий и владельца сайта «Новости электронного книгоиздания» ([digital-books.ru](#)) у государственных органов претензий не было. Блокировка была в декабре 2012 г. произведена по инициативе ФСКН (Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, которая была упразднена в 2016 году) и была направлена против сайта «Растаманские сказки». Однако IP-адрес сайта Харитонова совпадал с IP-адресом сайта «Растаманские сказки» (оба сайта обслуживал один и тот же хостинг-провайдер DreamHost). Харитонов обжаловал блокировку в июне 2013 г. в Таганском районном суде, но суд решил, что Роскомнадзор, выполнявший требование ФСКН, действовал в пределах своих полномочий. Мосгорсуд оставил данное решение в силе. Оба суда даже не интересовались содержанием интернет-ресурса Харитонова. Их внимание не привлекло то, что его ресурс был заблокирован без всяких оснований, как бы заодно с другими.

Данная проблема могла бы привлечь внимание Конституционного Суда Российской Федерации, куда Харитонов обратился сразу после отклонения его апелляционной жалобы. По нашему мнению, Конституционный Суд мог бы попытаться раскрыть конституционно-правовой смысл [пункта 2 части 2 статьи 15.1 Закон об информации](#) с тем, чтобы суды интерпретировали его в целях обеспечения возможности адресной блокировки именно того сайта, на котором был обнаружен незаконный материал. По нашему мнению, Конституционный Суд мог бы обратить внимание на то, что блокирование интернет-ресурсов только на основании IP-адреса в реальности приводит к необоснованным ограничениям прав лиц, не имеющих никакого отношения к незакон-

ному контенту. Разумеется, никто не ждал бы от Конституционного Суда рекомендаций по технической стороне решения данной проблемы. Но важным фактором была бы его правовая позиция, на основании которой Роскомнадзор должен был бы как-то скорректировать свою практику, выработав, возможно, новые методы адресной блокировки.

Однако, Конституционный Суд подошел к жалобе Харитонова сугубо формально¹⁵⁴. Из его определения можно сделать вывод, что суть проблемы заявителя, оказавшегося жертвой блокировки, наряду с другими владельцами сайтов без всякого основания, судьям была вполне понятна: «Заявитель утверждает, что предусмотренная оспариваемыми законоположениями возможность блокировки сетевого адреса, по которому осуществляется доступ к сайту, содержащему запрещенную в Российской Федерации информацию, одновременно приводит и к ограничению доступа к сайтам, доступ к которым осуществляется по тому же сетевому адресу и которые не содержат подобной информации. По мнению заявителя, в указанном случае владельцы сайтов, не содержащих запрещенной информации, лишаются права распространять незапрещенную информацию законным способом и фактически подвергаются мерам юридической ответственности при отсутствии правонарушения...»

Однако, по мнению Конституционного Суда, все дело было лишь в «ненадлежащих действиях (бездействии) обслуживающего» указанных владельцев сайтов провайдера хостинга. Последний, согласно закону, должен

¹⁵⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

был проинформировать обслуживаемого им владельца сайта о необходимости удалить незаконный контент.

Но Конституционный Суд не попытался ответить на вопрос, каким образом надлежит защищать права тех владельцев сайтов, которые, не имея никакого отношения к незаконному контенту, ничего не могли сделать, независимо от того, предупредил ли их провайдер хостинга. В данном определении, таким образом, не был предложен механизм защиты прав.

Европейский суд, куда в итоге обратился Харитонов, прежде всего, констатировал тот факт, что сайт заявителя не содержал никакого незаконного контента и попал под блокировку лишь по той причине, что имел тот же IP-адрес, что и сайт с «Растаманскими сказками», которые и содержали незаконный контент, привлекая внимание ФСКН. Но, таким образом, вмешательство в право Харитонова на свободу выражения мнения вообще невозможно было обосновать ст. 15.1 Закона об информации¹⁵⁵.

Интересен разбор Европейским судом технического аспекта действий Роскомнадзора. Нужно отметить важность этого анализа с учетом того, что национальные суды все еще не всегда понимают, что имеют дело с новой тенденцией в развитии информационных отношений и новыми угрозами для прав и свобод¹⁵⁶. Блокировка сайта Харитонова была автоматическим следствием решения Роскомнадзора добавить IP-адрес другого сайта в реестр запрещенных. В результате этого решения одновременно была заблокирована целая группа сайтов, размещенных DreamHost на одном IP-адресе. В общем, случай представ-

¹⁵⁵ См.: Ibid. § 39

¹⁵⁶ Соболева А. К. «Авторитет и беспристрастность судебной власти» в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия // Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. 2016 № 4 (28). С. 23; Ефремов А. Новые информационные технологии в практике Европейского Суда по правам человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016 № 6 (30). С. 11.

ляется вопиющим, и тем более удивительно, что на него никак не отреагировали российские суды. Они, по сути дела не проверили ни законность, ни пропорциональность такой меры как блокировка целой группы сайтов¹⁵⁷.

Европейский Суд отметил, что виртуальный хостинг, при котором сайты находятся на одном сервере, — явление, которое встречается довольно часто. Такое техническое решение особенно популярно у веб-ресурсов малого и среднего размера. Их владельцы могут и не знать о контенте сайтов-соседей по хостингу. Хостинг-провайдер, который в данном случае является нероссийской компанией, работающей вне российской юрисдикции, не обязан выполнять нормы российского закона в части определения незаконного контента. Таким образом, пользователь любого такого виртуального хостинга рискует попасть в ситуацию, когда другой сайт на хостинге блокируется российскими властями, но ни его хозяева, ни хостинг-провайдер не удаляют запрещенную информацию.

ЕСПЧ отметил, что решение ФСКН и последовавшее за ним решение Роскомнадзора о блокировке принимались без уведомления потенциально заинтересованных сторон; блокировка не была санкционирована судом или аналогичным независимым органом, где заинтересованные лица могли бы выразить свое отношение к ней; Роскомнадзор не оценивал потенциальное воздействие блокировки. Как признала российская сторона разбирательства в ЕСПЧ, по закону Роскомнадзор не был обязан оценивать побочные эффекты блокировки по IP-адресу, хотя сделать это можно при помощи простейших сетевых инструментов (поиск доменов по IP-адресу).

Харитонов так и не получил доступа к решению о блокировке: оно не было представлено в суде, ходатайство Харитонова о его запросе и оглашении суд отклонил¹⁵⁸.

Наконец, с точки зрения ЕСПЧ, российские суды не

¹⁵⁷ Vladimir Kharitonov v. Russia (Application no. 10795/14), § 56

¹⁵⁸ См.: Ibid

взвешивали интересы сторон, в частности, не оценивали необходимость блокировки всех сайтов с одним IP. Они не использовали постановление Верховного Суда Российской Федерации, в котором говорится о применении требований Европейской конвенции по правам человека в трактовке ЕСПЧ. Суды ограничились указанием на то, что Роскомнадзор действовал в пределах своих полномочий, а должны были принять во внимание и тот факт, что блокировка затрагивала большие объемы информации, существенно ограничивала права пользователей интернета и повлекла за собой заметные побочные эффекты.

Таким образом, решил ЕСПЧ, применение ст. 15.1 Закона об информации в случае Харитонова не удовлетворяло критерию предсказуемости, заявителю не была обеспечена достаточная защита от злоупотреблений, и, следовательно, вмешательство в его право на свободу выражения мнения не было основано на законе¹⁵⁹.

Нужно отметить, что данное решение Европейского суда находится в ряду других его подобных решений, которыми ЕСПЧ пытался защитить свободу интернет-ресурсов от произвольных блокировок¹⁶⁰. Заметим тут, что немало подобных жалоб поступило от заявителей из Турции.

Обобщая сказанное, сделаем несколько неутешительных выводов.

В условиях бурного развития новых информационных технологий современные государства — в лице специальных служб и уполномоченных государственных органов — предпринимают беспрецедентные усилия для того, чтобы и в рамках новых информационных

¹⁵⁹ См.: Ibid. § 57

¹⁶⁰ См. например: ECtHR. Ahmet Yildirim v. Turkey (Application no. [3111/10](#)), Judgment of 18 December 2012; ECtHR. Cengiz and Others v. Turkey, (Application no. [48226/10](#) and [14027/11](#)), Judgment of 1 December 2015.

отношений сохранить хотя бы частичный контроль за деятельностью новых акторов (блогеров, интернет-СМИ, интернет-платформ и т.д.). При этом они достаточно часто встречают полную поддержку национальных судов. Среди норм, регулирующих новую сферу отношений, достаточно часто встречаются (а в Российской Федерации доминируют) нормы ограничительные и запретительные. Многие новые явления в информационной сфере ставили перед государственными органами весьма серьезные проблемы, связанные с их правовой оценкой. И возникавшие конфликты национальными судами нередко разрешались не в пользу граждан. Основания для озабоченности у юристов, занимающихся защитой прав, связанных с новыми информационными технологиями, остаются.

Библиографический список

1. *Вавулин, Д. А.* Раскрытие информации акционерными обществами — М.: Юстицинформ, 2012.
2. *Василенко, В. И.* Массмедиа в условиях глобализации. Информационно-коммуникационная безопасность. — М.: Проспект, 2015.
3. *Дупан А. С., Жулин А. Б., Жарова А. К.* Новая парадигма защиты и управления персональными данными в Российской Федерации и зарубежных странах. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.
4. *Ефремов А.* Новые информационные технологии в практике Европейского Суда по правам человека // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016, № 6 (30), с. 10.
5. *Жарова А. К.* Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. Монография — М.: Машиностроение, 2016.
6. *Ловцов Д. А., Ниесов В. А.* Актуальные проблемы создания и развития единого информационного пространства судебной системы России // Информационное право. 2013. № 5. С. 13–18.
7. *Пастухов П. С.* Правовые аспекты использования информационных технологий для обеспечения общественной безопасности и общественного порядка // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 3 (75). С. 6–12.
8. *Соболева А. К.* Свобода выражения мнения в практике ЕСПЧ:

старые подходы и новые тенденции в толковании статьи 10 Судом // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2017, т. 21, № 2. С. 246–247.

9. *Соболева А. К.* «Авторитет и беспристрастность судебной власти» в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия // Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. 2016 № 4 (28). С. 23.
10. *Тодд, Даррен* Цифровое пиратство. Как пиратство меняет бизнес, общество и культуру: моногр. — М.: Высшая школа, 2012.